

Антон Павлович Чехов

Повести и рассказы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Антон Павлович Чехов

Повести и рассказы / Антон Павлович Чехов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 298 с.

ISBN 978-5-4241-0681-1

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданию 1902 года (Санкт-Петербург, Издание А. Ф. Маркса)

ISBN 978-5-4241-0681-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЫСЛИТЕЛЬ.

Знойный полдень. Въ воздухѣ ни звуковъ, ни движеній... Вся природа похожа на одну очень большую, забытую Богомъ и людьми, усадьбу. Подъ опустившейся листвою старой лины, стоящей около квартиры тюремнаго смотрителя Яшкина, за маленькимъ треногимъ столомъ сидятъ самъ Яшкинъ и его гость, штатный смотритель уѣзднаго училища Пимфовъ. Оба безъ сюртуковъ; жилетки ихъ разстегнуты; лица потны, красны, неподвижны; способность ихъ выражать что-нибудь парализована зноемъ... Лицо Пимфова совсемъ скисло и заплыло лѣнью, глаза его посоловѣли, нижняя губа отвисла. Въ глазахъ же и на лбу у Яшкина еще замѣтна кое-какая дѣятельность; повидимому, онъ о чемъ-то думаетъ... Оба глядятъ другъ на друга, молчатъ и выражаютъ свои мученія пыхтѣньемъ и хлопаньемъ ладонями по мухамъ. На столѣ графинъ съ водкой, мочалистая вареная говядина и коробка изъ-подъ сардинъ съ сѣрой солью. Выпиты уже первая, вторая, третья...

— Да-съ!—издаетъ вдругъ Яшкинъ, и такъ неожиданно, что собака, дремлющая недалеко отъ стола, вздрагиваетъ и, поджавъ хвостъ, бѣжитъ въ сторону.—Да-съ! Что ни говорите, Филиппъ Максимычъ, а въ русскомъ языкѣ очень много лишнихъ знаковъ препинанія!

— То-есть, почему же-съ? — скромно вопрошает Пимфовъ, вынимая изъ рюмки крылышко мухи.—Хотя и много знаковъ, но каждый изъ нихъ имѣетъ свое значеніе и мѣсто.

— Ужъ это вы оставьте! Никакого значенія не имѣютъ ваши знаки. Одно только мудрованіе... Наставить десятокъ запятыхъ въ одной строчкѣ и думаетъ, что онъ умный. Напримѣръ, товарищъ прокурора Мериновъ послѣ каждаго слова запятую ставитъ. Для чего это? Милостивый государь—запятая, посѣтивъ тюрьму такого-то числа—запятая, я замѣтилъ—запятая, что арестанты — запятая... тѣфу! Въ глазахъ рябитъ! Да и въ книгахъ то же самое... Точка съ запятой, двоеточіе, кавычки разные. Противно читать даже. А иной франтъ, мало ему одной точки, возьметъ и натываетъ ихъ цѣлый рядъ... Для чего это?

— Наука того требуетъ...—вздыхаетъ Пимфовъ.

— Наука... Умопомраченіе, а не наука... Для форсу выдумали... пыль въ глаза пущать... Напримѣръ, ни въ одномъ иностранномъ языкѣ нѣтъ этого ять, а въ Россіи есть... Для чего онъ, спрашивается? Напиши ты хлѣбъ съ ятемъ или безъ ятя, нешто не все равно?

— Богъ знаетъ, чтò вы говорите, Илья Мартынычъ!—обижается Пимфовъ.—Какъ же это можно хлѣбъ черезъ *е* писать? Такое говорить, что слушать даже непріятно.

Пимфовъ выпиваетъ рюмку и, обиженно моргая глазами, отворачиваетъ лицо въ сторону.

— Да и сѣкли же меня за этотъ ять!—продолжаетъ Яшкниъ. — Помню это, вызываетъ меня разъ учитель къ черной доскѣ и диктуетъ: «Лѣкаръ уѣхалъ въ городъ». Я взялъ и написалъ *лѣкаръ* съ *е*. Выпоролъ. Черезъ недѣлю опять къ доскѣ, опять пиши: «Лѣкаръ уѣхалъ въ городъ». Пишу на этотъ разъ съ ятемъ. Опять пороть. За что же, Иванъ Ѳомичъ? Помилуйте, сами же вы говорили, что тутъ ять нужно! «Тогда, говорить, я заблуждался, прочитавъ же вчера

сочиненіе нѣкоего академика о ять въ словѣ *лжкаръ*, соглашаюсь съ академіей наукъ. Порю же я тебя по долгу присяги»... Ну, и поролъ. Да и у моего Васютки всегда ухо вспухши отъ этого ять... Будь я министромъ, запретилъ бы я вашему брату ятемъ людей морочить.

— Прощайте, — вздыхаетъ Пимфовъ, моргая глазами и надѣвая сюртукъ. — Не могу я слышать, ежели про науки...

— Ну, ну, ну... ужъ и обидѣлся! — говоритъ Яшкинъ, хватая Пимфова за рукавъ. — Я вѣдь это такъ, для разговора только... Ну, сядемъ, выпьемъ!

Оскорбленный Пимфовъ садится, выпиваетъ и отворачиваетъ лицо въ сторону. Наступаетъ тишина. Мимо пьющихъ кухарка Феона проноситъ лохань съ помоями. Слышится помойный плескъ и визгъ облитой собаки. Безжизненное лицо Пимфова раскисаетъ еще больше; вотъ-вотъ растаетъ отъ жары и потечетъ внизъ на жилетку. На лбу Яшкина собираются морщинки. Онъ сосредоточенно глядитъ на мочалистую говядину и думаетъ... Подходитъ къ столу инвалидъ, угрюмо косится на графинъ и, увидѣвъ, что онъ пустъ, приноситъ новую порцію... Еще выпиваютъ.

— Да-съ! — говоритъ вдругъ Яшкинъ.

Пимфовъ вздрагиваетъ и съ испугомъ глядитъ на Яшкина. Онъ ждетъ отъ него новыхъ ересей.

— Да-съ! — повторяетъ Яшкинъ, задумчиво глядя на графинъ. — По моему мнѣнію, и наукъ много лишнихъ!

— То-есть, какъ же это-съ? — тихо спрашиваетъ Пимфовъ. — Какія науки вы находите лишними?

— Всякія... Чѣмъ больше наукъ знаетъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ мечтаетъ о себѣ. Гордости больше... Я бы перевѣшалъ всѣ эти... науки... Ну, ну... ужъ и обидѣлся! Экій какой, ей-Богу, обидчивый, слова сказать нельзя! Сядемъ, выпьемъ!

Подходитъ Феона и, сердито тыкая въ стороны своими пухлыми локтями, ставитъ передъ пріятелями зеленая

щи въ мисѣхъ. Начинается громкое хлебаніе и чавканье. Словно изъ земли вырастаютъ три собаки и кошка. Онѣ стоятъ передъ столомъ и умильно поглядываютъ на жующіе рты. За щами слѣдуетъ молочная каша, которую Θεона ставитъ съ такой злобой, что со стола сыплются ложки и корки. Передъ кашей пріятели молча выпиваютъ.

— Все на этомъ свѣтѣ лишнее! — замѣчаетъ вдругъ Яшкинъ.

Пимфовъ роняетъ на колѣни ложку, испуганно глядитъ на Яшкина, хочетъ протестовать, но языкъ ослабѣлъ отъ хмеля и запутался въ густой кашѣ... Въмѣсто обычнаго «то-есть, какъ же это-съ?» получается одно только мычаніе.

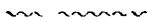
— Все лишнее... — продолжаетъ Яшкинъ. — И науки, и люди... и тюремныя заведенія, и мухи... и каша... И вы лишній... Хоть вы и хорошій человѣкъ, и въ Бога вѣруете, но и вы лишній...

— Прощайте, Илья Мартынычъ! — лепечетъ Пимфовъ, силясь надѣть скюртку и никакъ не попадая въ рукава.

— Сейчасъ вотъ мы натрескались, налопались,—а для чего это? Такъ... Все это лишнее... Ёдимъ, и сами не знаемъ, для чего... Ну, ну... ужъ и обидѣлся! Я вѣдь это такъ только... для разговора! И куда вамъ идти? Посидимъ, по-толкуемъ... выпьемъ!

Наступаетъ тишина, изрѣдка только прерываемая звяканьемъ рюмокъ, да пьянымъ побрякиваньемъ... Солнце начинаетъ уже клониться къ западу, и тѣнь липы все растетъ и растетъ. Приходитъ Θεона и, фыркая, рѣзко махая руками, разстилаетъ около стола коврикъ. Пріятели молча выпиваютъ по послѣдней, располагаются на коврѣ и, повернувшись другъ къ другу спинами, начинаютъ засыпать...

«Слава Богу,—думаетъ Пимфовъ,—сегодня не дошелъ до сотворенія міра и іерархін, а то бы волосы дыбомъ, хоть святыхъ выноси!»

ДОЧЬ АЛЬБИОНА.

Къ дому помѣщика Грябова подкатила прекрасная коляска съ каучуковыми шинами, толстымъ кучеромъ и бархатнымъ сидѣньемъ. Изъ коляски выскочилъ уѣздный предводитель дворянства Ѳедоръ Андреичъ Отцовъ. Въ передней встрѣтилъ его сонный лакей.

— Господа дома?—спросилъ предводитель.

— Никакъ нѣтъ-съ. Барыня съ дѣтьми въ гости поѣхали, а баринъ съ мамзелью-гувернанткой рыбу ловятъ-съ. Съ самаго утра-съ.

Отцовъ постоялъ, подумалъ и пошелъ къ рѣкѣ искать Грябова. Нашелъ онъ его версты за двѣ отъ дома, подойдя къ рѣкѣ. Поглядѣвъ внизъ съ крутого берега и увидѣвъ Грябова, Отцовъ прыснулъ... Грябовъ, большой, толстый человѣкъ съ очень большой головой, сидѣлъ на песочкѣ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги, и удилъ. Шляпа у него была на затылкѣ, галстукъ сползъ на бокъ. Возлѣ него стояла высокая, тонкая англичанка съ выпуклыми рачьими глазами и большимъ птичьимъ носомъ, похожимъ скорѣй на крючокъ, чѣмъ на носъ. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье, сквозь которое сильно просвѣчивали тощія, желтые плечи. На золотомъ поясѣ висѣли золотые часики. Она тоже удила. Вокругъ обоихъ царилъ гробовая тишина. Оба

были неподвижны, какъ рѣка, на которой плавали ихъ поплавки.

— Охота смертная, да участь горькая! — засмѣлся Отцовъ.—Здравствуй, Иванъ Кузьмичъ!

— А... это ты? — спросилъ Грябовъ, не отрывая глазъ отъ воды.—Пріѣхалъ?

— Какъ видишь... А ты все еще своей ерундой занимаешься! Не отвыкъ еще?

— Кой чортъ... Весь день ловлю, съ утра... Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймалъ ни я, ни эта кикимора. Сидимъ, сидимъ и хоть бы одинъ чортъ! Просто хоть караулъ кричи.

— А ты наплюй. Пойдемъ водку пить!

— Постой... Можетъ-быть, что-нибудь да поймаетъ. Подъ вечеръ рыба клюетъ лучше... Сижу, братъ, здѣсь съ самаго утра! Такая скучища, что и выразить тебѣ не могу. Дернулъ же меня чортъ привыкнуть къ этой ловлѣ! Знаю, что чепуха, а сижу! Сижу, какъ подлецъ какой-нибудь, какъ каторжный, и на воду гляжу, какъ дуракъ какой-нибудь! На покось надо ѣхать, а я рыбу ловлю. Вчера въ Хапоньевѣ преосвященный служилъ, а я не поѣхалъ, здѣсь просидѣлъ вотъ съ этой стерлядью... съ чертовкой съ этой..

— Но... ты съ ума сошелъ? — спросилъ Отцовъ, конфузливо косясь на англичанку. — Бранишься при дамѣ... и се же...

— Да чортъ съ ней! Все одно, ни бельмеса по-русски не смыслить. Ты ее хоть хвали, хоть брани—ей все равно! Ты на носъ посмотри! Отъ одного носа въ обморокъ упадешь! Сидимъ по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ, и хоть бы одно слово! Стоитъ, какъ чучело, и бѣльмы на воду таращить.

Англичанка зѣвнула, перевернула червячка и закинула удочку.

— Удивляюсь, братъ, я не мало!—продолжалъ Грябовъ.—Живетъ дурища въ Россіи десять лѣтъ, и хоть бы одно

слово по-русски!.. Пашъ какой-нибудь аристократишка поѣдетъ къ нимъ и живо по-ихнему брехать научится, а они... чортъ ихъ знаетъ! Ты посмотри на носъ! На носъ ты посмотри!

— Ну, перестань... Неловко... Что напалъ на женщину?

— Она не женщина, а дѣвица... О женихахъ, небось, мечтаетъ, чортова кукла. И пахнетъ отъ нея какою-то гнилью... Возненавидѣлъ, братъ, ее! Видѣть равнодушно не могу! Какъ взглянетъ на меня своими глазами, такъ меня и покоробитъ всего, словно я локтемъ о перила ударился. Тоже любить рыбу ловить. Погляди: ловить и священнодѣйствуетъ! Съ презрѣніемъ на все смотреть... Стоитъ, каналья, и сознаетъ, что она человѣкъ и что, стало-быть, она царь природы. А знаешь, какъ ее зовутъ? Уилька Чарльзовна Тфайсъ! Тьфу!.. и не выговоришь!

Англичанка, услышавъ свое имя, медленно повела носъ въ сторону Грябова и измѣрила его презрительнымъ взглядомъ. Съ Грябова подняла она глаза на Отцова и его облила презрѣніемъ. И все это молча, важно и медленно.

— Видаль? — спросилъ Грябовъ, хохоча. — Натѣ, молъ, вамъ! Ахъ ты, кикимора! Для дѣтей только и держу этого тритона. Не будь дѣтей, я бы ее и за десять верстъ къ своему имѣнію не подпустилъ... Носъ точно у ястреба... А таля? Эта кукла напоминаетъ мнѣ длинный гвоздь. Такъ знаешь, взялъ бы и въ землю вбилъ. Постой... У меня, кажется, клюетъ...

Грябовъ вскочилъ и поднялъ удилице. Леска натянулась... Грябовъ дернулъ еще разъ и не вытащилъ крючка.

— Зацѣпилась! — сказалъ онъ и поморщился. — За камень, должно быть... Чортъ возьми...

На лицѣ у Грябова выразилось страданіе. Вздыхая, спокойно двигаясь и бормоча проклятья, онъ началъ дергать за лесу. Дерганье ни къ чему не привело. Грябовъ поблѣднѣлъ.

— Экая жалость! Въ воду лѣзть надо.

— Да ты брось!

— Нельзя... Подъ вечеръ хорошо ловится... Вѣдь этакая комиссія, прости Господи! Придется лѣзть въ воду. Придется! А если бы- ты зналъ, какъ мнѣ не хочется раздѣваться! Англичанку-то турнуть надо... При ней неловко раздѣваться. Все-таки, вѣдь, дама!

Грябовъ сбросилъ шляпу и галстукъ.

— Миссъ... ээ...—обратился онъ къ англичанкѣ.—Миссъ Тфайсъ! Жѣ ву при... Ну, какъ ей сказать? Ну, какъ тебѣ сказать, чтобы ты поняла? Послушайте... туда! Туда уходите! Слышишь?

Миссъ Тфайсъ облила Грябова презрѣніемъ и издала носовой звукъ.

— Что-съ? Не понимаете? Ступай, тебѣ говорятъ, отсюда! Мнѣ раздѣваться нужно, чортова кукла! Туда ступай! Туда!

Грябовъ дернулъ миссъ за рукавъ, указалъ ей на кусты и присѣлъ: ступай, моль, за кусты и спрячься тамъ... Англичанка, энергически двигая бровями, быстро проговорила длинную англійскую фразу. Помѣщики прыснули.

— Первый разъ въ жизни ея голосъ слышу... Нечего сказать, голосокъ! Не понимаетъ! Ну, что мнѣ дѣлать съ ней?

— Плюнь! Пойдемъ водки выпьемъ!

— Нельзя, теперь ловиться должно... Вечеръ... Ну, что ты прикажешь дѣлать? Вотъ комиссія! Придется при ней раздѣваться...

Грябовъ сбросилъ скюртукъ и жилетъ и сѣлъ на песокъ снимать сапоги.

— Послушай, Иванъ Кузьмичъ, — сказалъ предводитель, хохоча въ кулакъ.—Это ужъ, другъ мой, глумленіе, издѣвательство.

— Ес никто не проситъ не понимать! Это наука имъ, иностранцамъ!

Грябовъ снялъ сапоги, панталоны, сбросилъ съ себя бѣлье и очутился въ костюмѣ Адама. Отцовъ ухватился за животъ. Онъ покраснѣлъ и отъ смѣха, и отъ конфуза. Англичанка задвигала бровями и заморгала глазами... По желтому лицу ея пробѣжала надменная, презрительная улыбка.

— Надо остынуть, — сказалъ Грябовъ, хлопая себя по бедрамъ. — Скажи на милость, Ѳеодоръ Андреичъ, отчего это у меня каждое лѣто сыпь на груди бываетъ?

— Да полѣзай скорѣй въ воду или прикройся тѣмъ-нибудь! Скотина!

— И хоть бы сконфузилась, подлая! — сказалъ Грябовъ, полѣзая въ воду и крестясь. — Брр... холодная вода... Посмотри, какъ бровями двигаетъ! Не уходитъ... Выше толпы стоитъ! Хе-хе-хе... И за людей насъ не считаетъ!

Войдя по-колѣна въ воду и вытянувшись во весь свой громадный ростъ, онъ мигнулъ глазомъ и сказалъ:

— Это, братъ, ей не Англія!

Миссъ Тфайсъ хладнокровно перемѣнила червячка, зѣвнула и закинула удочку. Отцовъ отвернулся. Грябовъ отцѣпилъ крючокъ, окунулся и съ сопѣньемъ вытѣлъ изъ воды. Черезъ двѣ минуты онъ сидѣлъ уже на песочкѣ и опять удилъ рыбу.

НА ЧУЖБИНѢ.

Воскресный полдень. Помѣщикъ Камышевъ сидитъ у себя въ столовой за роскошно сервированнымъ столомъ и медленно завтракаетъ. Съ нимъ раздѣляетъ трапезу чистенькій, гладко-выбритый старикъ французикъ m-г Шампунъ. Этотъ Шампунъ былъ когда-то у Камышева гувернеромъ, училъ его дѣтей манерамъ, хорошему произношенію и танцамъ, потомъ же, когда дѣти Камышева выросли и стали поручиками, Шампунъ остался чѣмъ-то въ родѣ бонны мужского пола. Обязанности бывшего гувернера не сложны. Онъ долженъ прилично одѣваться, пахнуть духами, выслушивать праздную болтовню Камышева, ѣсть, пить, спать—и больше, кажется, ничего. За это онъ получаетъ столъ, комнату и неопредѣленное жалованье.

Камышевъ ѣстъ и, по обыкновенію, празднословитъ.

— Смерть!—говоритъ онъ, вытирая слезы, выступившія послѣ куска ветчины, густо намазаннаго горчицей. — Уфъ! Въ голову и во всѣ суставы ударило. А вотъ отъ вашей французской горчицы не будетъ этого, хоть всю банку съѣшь.

— Кто любитъ французскую, а кто русскую...—кратко заявляетъ Шампунъ.

— Никто не любитъ французской, развѣ только одни